
ЭБ

2007096175

Этнографическія замѣтки о чувашахъ Козмодемьянскаго уѣзда Казанской губерніи.

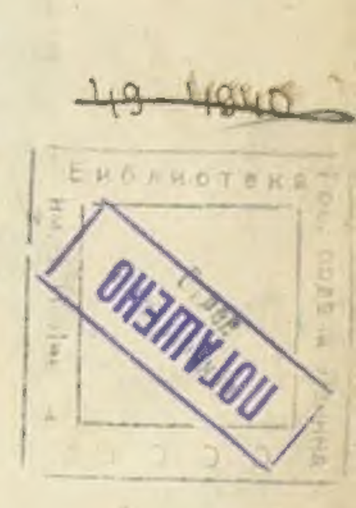
Настоящія замѣтки касаются главнымъ образомъ чувашъ села Оринина и прилегающихъ къ нему селеній.

При разговорѣ съ лицами, ранѣе у нихъ бывавшими, чуваши болѣе откровенны, чѣмъ въ первыя встрѣчи. Этнографъ при соблюденіи извѣстной осторожности можетъ получить отъ своихъ собесѣдниковъ немало любопытныхъ свѣдѣній.

Нижепомѣщаемые отрывки явились какъ результатъ нѣсколькихъ бесѣдъ съ мѣстными старожилами и, думаемъ, не лишены этнографическаго интереса.

1. *Преданіе о происхожденіи села Оринина.*

По разсказамъ старожиловъ чувашъ, мѣсто, гдѣ нынѣ находится Оринино, въ древности было покрыто непроходимымъ лѣсомъ. Здѣсь поселились двѣ сестры, обѣ Орины, одна большая, другая малая. Раньше онѣ жили со своимъ отцомъ за Волгой среди черемисъ около деревни „Купланга“, гдѣ занимались звѣроловствомъ и земледѣліемъ. Съ приростомъ населенія, черемисы вытѣснили чувашина съ его семьею. Къ этому времени чувашинъ овдовѣлъ. Съ двумя дочерьми онъ переправился на другую сторону Волги и остановился въ 2 верстахъ отъ Волги въ деревнѣ Шашкарахъ. Злой рокъ преслѣдовалъ чувашскую семью и здѣсь. Шашкарцы выгнали пришлую семью изъ своей деревни. Пришлось поселиться въ

мѣстности, гдѣ теперь находится деревня Татар-касы. Здѣсь скончался отецъ, оставивъ двухъ дочерей сиротами. Единственное наслѣдство, которое онѣ получили послѣ отца, это была корова. Едва несчастныя сестры успѣли оправиться отъ удара, какъ ихъ постигаетъ другое бѣдствіе: татар-касинцы просили ихъ выселиться изъ деревни. Дѣвицы въ сопровожденіи двоихъ мужчинъ отправились въ путь, рѣшивъ остановиться тамъ, гдѣ отелится ихъ корова. Пройдя около 9 верстъ, они набрели на поляну на возвышенномъ мѣстѣ. Здѣсь отелилась корова; здѣсь остановились путники съ тѣмъ, чтобы зажить особыми домами. Мѣсто это находится между селомъ Орининымъ и деревней Син-йал. Доселѣ здѣсь можно видѣть слѣды когда-то бывшихъ построекъ и находить кусочки желѣза, кирпича и камни.

Двѣ Орины были родоначальницами трехъ обществъ: Мало-Орининскаго, Больше-Орининскаго и Падак-Касинскаго.

Сколько времени сестры прожили вмѣстѣ, преданіе не говоритъ. Извѣстно лишь то, что съ увеличеніемъ семействъ сестры рѣшили вести каждая особое хозяйство; при чемъ меньшая сестра осталась на старомъ мѣстѣ, а старшая поселилась на другой полянкѣ, въ 2½ верстахъ отъ младшей.

Такимъ образомъ явились Большое и Малое Оринино.

Меньшей Оринѣ приписывается основаніе селеній: с. Оринина, д. Син-йал'а, Молгач-Касовъ, Лап-Касовъ, Ганькина, Чамыши, Падак-Касовъ, Вурман-Касовъ, Пики-Касовъ и Бусурманъ. Эти деревни раньше составляли одно общество подъ названіемъ Мало-Орининскаго; теперь раздѣлились на 2 общества.

Старшая считается основательницей деревень: Симень-Касы, Адабай, Чиржи, Корлуй и Сендимеръ. Эти деревни составляютъ одно общество—Большое-Орининское.

Съ перечисленными деревнями считается родственной и деревня Падакъ-Касы, откуда вышли сожители двухъ Оринъ. Иногда вся совокупность помянутыхъ деревень называется „Тутаран". Лѣтъ 70—80 тому назадъ считалось неудобнымъ

брать невѣстъ изъ Падакъ-касовъ, равно какъ Орининцамъ выдавать своихъ дочерей за Падак-касинскихъ жениховъ.

Первоначально всѣ Орининцы вѣровали „по-чувашски". Но лѣтъ болѣе 150 тому назадъ явились къ нимъ русскіе и заставили нѣкоторыхъ изъ Орининцевъ „молиться по-русски". Первымъ крестился чувашскій князёкъ по имени Партасъ со своимъ семействомъ. Жилъ онъ въ деревнѣ „Ганька"; имѣлъ грамоту, которую пожаловалъ ему самъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный. По словамъ 80-лѣтняго старика, потомка Партаса, грамота была съ печатью и шнуромъ, но, къ несчастью, уничтожена потомками Партаса во 2-й половинѣ XIX столѣтія.

Сличая данныя преданія о крещеніи мѣстныхъ чувашъ съ данными Орининскаго церковнаго архива, мы замѣтили близость тѣхъ и другихъ. Самыя древнія обозначенія на церковныхъ книгахъ восходятъ не далѣе 1745 года; въ этомъ году церковныя книги были выданы въ новоустроенную церковь священнику Михаилу Иванову.

2. Свадьба у чувашъ Козмодемьянскаго уѣзда.

Свадьба Козмодемьянскихъ чувашъ во многомъ разнится отъ свадьбы низовыхъ чувашъ, напримѣръ, Буинскаго уѣзда. У послѣднихъ очень сложный ритуалъ, на исполненіе котораго уходитъ много времени. У Козмодемьянскихъ чувашъ свадебныхъ обрядовъ, сравнительно, немного; на исполненіе ихъ требуется времени меньше, чѣмъ у Буинскихъ чувашъ.

Въ старину Козмодемьянскіе чуваши свадьбу совершали съ большей торжественностью, при большемъ количествѣ обрядовъ, чѣмъ теперь. Нынѣ совершенно забыты даже обряды, строго соблюдавшіеся 20 лѣтъ тому назадъ. Здѣсь нельзя не видѣть вліянія школы и церкви съ ея богослуженіемъ на родномъ языкѣ.

Бракъ у чувашъ Козмод. уѣзда заключается двояко: 1) по предварительному соглашенію жениха, невѣсты и родите-

лей; 2) посредствомъ умыканія. Въ послѣднемъ случаѣ бракъ заключается безъ согласія родителей невѣсты, иногда даже безъ согласія и самой невѣсты. Требуется лишь вѣнчаніе; никакихъ обрядовъ не бываетъ; расходовъ здѣсь немного; поэтому этотъ видъ заключенія брака предпочитается всѣмъ другимъ.

Бракъ по соглашенію невѣсты и родителей ея заключается такъ.

Женихъ выбираетъ себѣ невѣсту заранѣе. Первоначальныя смотрины происходятъ на базарахъ и мѣстныхъ ярмаркахъ. Женихъ, ставъ вблизи намѣченной дѣвушки, разсматриваетъ ее со всѣхъ сторонъ. Дѣвушка и не подозрѣваетъ, что на неё устремлены взоры молодца и идетъ оцѣнка ея наружности. Она весело болтаетъ и хохочетъ со своими подругами. Если парню понравится наружность дѣвушки, то онъ тутъ же знакомится съ ней. Послѣ этихъ смотринъ женихъ и его родители ѣдутъ въ домъ невѣсты съ хлѣбомъ и виномъ. Пріѣздъ обыкновенно подгоняется къ вечеру; къ самому сватовству приступаютъ лишь утромъ; предварительно разговариваютъ на тему о приданомъ и о калымѣ. Калымъ (холӑм) платитъ женихъ; калымъ опредѣляется стоимостью приданаго невѣсты; обыкновенно онъ простирается отъ 15 до 80 рублей. Когда придутъ къ опредѣленному соглашенію, всѣ встаютъ на молитву („ҫӳклеме"). Во время молитвы всѣмъ присутствующимъ раздаютъ по кусочку хлѣба съ солью или сырцемъ („ҫӑхӑт"). Молитву произноситъ старшій въ семьѣ. Мы имѣемъ подъ руками текстъ одной изъ этихъ молитвъ—импровизацій, который читается такъ: „Ей ҫӳлти Торӑ, Торӑ Амӑшӗ, есӗр йепле те полсан пере ҫак мӑн ӗҫе тума полӑшӑр. Сире тархаслатпӑр, пере есӗр ан пӑрахӑр; ҫак ҫӗпӗ кӗрӳсемпе, хӑтасемпе ҫӑккӑр-тӑвар хире-хирӗҫ хотӑштарма, ӗҫсе-ҫиме полӑшӑр".—„Боже Вышній, Матерь Бога, какъ-нибудь помогите намъ совершить это великое дѣло. Васъ мы просимъ, не оставьте насъ. Помогите намъ кушать хлѣбъ-соль вмѣстѣ съ этимъ новымъ зятемъ и новыми сватьями". По произнесеніи этой молитвы поминаютъ усопшихъ. Въ осо-

-бый ковшикъ наливается пиво, туда же кладется кусочекъ хлѣба при произношеніи словъ: „Сирĕн умра та полтăр“— „пусть будетъ и предъ вами“. Это выраженіе относится къ умершимъ родственникамъ, которые, по вѣрованію чувашъ, участвуютъ во всѣхъ важныхъ семейныхъ торжествахъ. Предназначенное для умершихъ пиво съ кусочкомъ выливается на дворъ. Послѣ молитвы начинаютъ пить и ѣсть. Выпивается по одной четверти водки съ жениха и съ родителей невѣсты.

Передъ отъѣздомъ жениху и сватьѣ невѣста даритъ по одной рубашкѣ. Этимъ кончается сватовство.

Далѣе начинаются приготовленія къ свадьбѣ. Невѣста готовитъ приданое. Въ этомъ дѣлѣ ей помогаютъ ея подруги. Шьютъ рубашки, вышиваютъ „сурпан“, „масмак“ (головные уборы замужней женщины) для подарка родственникамъ.

Когда все будетъ готово, женихъ и посаженный отецъ („хăйматлăх“) увозятъ невѣсту въ приходскую церковь. Послѣ вѣнца молодую увозятъ въ домъ родителей, гдѣ она остается до самой свадьбы.

Свадьба бываетъ черезъ 4—5 дней, а иногда черезъ недѣлю послѣ вѣнчанія.

За день или два женихъ пріѣзжаетъ къ родителямъ невѣсты окончательно сговориться относительно дня свадьбы. Этотъ пріѣздъ жениха называется „кăмăлҫалпа килни“.

Утромъ въ день свадьбы женихъ приглашаетъ всю свою деревню ѣхать за невѣстой. Обязанность по приглашенію односельчанъ обыкновенно несетъ „кĕҫĕн кĕрÿ“—шаферъ. Онъ разъѣзжаетъ по деревнѣ съ крикомъ: „туйа“, „туйа“—„на свадьбу, на свадьбу“. У жениха собирается почти вся деревня. Начинается угощеніе. Для этого на дворѣ избирается особое мѣсто, уставляется, съ 4-хъ сторонъ скамьями; мѣсто это называется „шыҫăк'омъ“. Въ одинъ уголъ „шыҫăк'а“ ставится столъ съ угощеніями. Около стола втыкается орѣшникъ, на который вѣшаютъ новую рубашку. По толкованію нѣкоторыхъ чувашъ, эта рубашка обозначаетъ пожеланіе присутствующихъ молодымъ, чтобы жизнь ихъ была долгая, подобно ниткѣ рубашки, и чистая, подобно бѣлизнѣ рубашки.

Пиръ во дворѣ жениха продолжается до полудня. Затѣмъ всѣ, кромѣ деревенскихъ дѣвушекъ, отправляются къ родителямъ невѣсты. Поѣздъ открываетъ „туй-пуç“—голова свадьбы; за нимъ ѣдутъ: мӑн-кӗрӳ—старшій зять (дружка), хӑйматлӑх—посаженный отецъ съ женихомъ, односельчане. Къ пріѣзду жениха ворота, ведущія во дворъ невѣстиныхъ родителей, оказываются запертыми. Чтобы попасть туда, туйпуç долженъ заплатить деньги за ворота „вӑй-кил пуçне“—главѣ домашней игры. Обыкновенно этимъ главой бываетъ либо братъ невѣсты, либо кто-нибудь изъ родственниковъ невѣсты.

По уплатѣ должной суммы ворота отворяются и поѣздъ пропускается во дворъ. Здѣсь гостей ждетъ шыђӑк, устроенный такъ же, какъ и во дворѣ жениха, съ тою лишь разницей, что здѣсь съ угощеніями ставится два стола, одинъ для гостей свадьбы, другой для жениха. Каждый изъ гостей занимаетъ свое мѣсто. Подъ сидѣнье жениха отецъ невѣсты кладетъ сколько-нибудь денегъ. Прежде чѣмъ сѣсть, женихъ трижды ударяетъ кнутомъ по приготовленному для него мѣсту. Это дѣлается для того, чтобы отогнать злыхъ духовъ отъ сидѣнья.

Пиръ начинается импровизированной молитвой. По содержанію и характеру она напоминаетъ молитву, произносимую при сватовствѣ.

Пиръ продолжается почти до вечера. Невѣста ни разу не показывается въ шыђӑк'ѣ; она все время находится въ избѣ, гдѣ угощаетъ своихъ подругъ.

Передъ тѣмъ какъ жениху выѣхать, его одѣваютъ въ бѣлую рубашку и обязательно угощаютъ яичницей.

Послѣ обѣда молодой съ посаженнымъ отцомъ входитъ въ избу за молодушкой. Надъ молодыми совершается обрядъ родительскаго благословенія, послѣ котораго молодые выходятъ въ шыђӑк. Здѣсь молодушка раздаетъ подарки своимъ родственникамъ. Послѣ этого вновь совершается моленье; затѣмъ невѣсту усаживаютъ въ тарантасъ и поѣздъ направ-

ляется въ деревню молодого. Родственники провожают молодушку до полевыхъ воротъ съ пивомъ и хлѣбомъ. Лошадь ея ведутъ подъ уздцы двое изъ родственниковъ.

При выѣздѣ изъ полевыхъ воротъ молодой трижды ударяетъ кнутомъ по невѣстѣ, чтобы отогнать отъ нея злыхъ духовъ. Затѣмъ, тутъ же за полевыми воротами совершается слѣдующій обрядъ. Вставши лицомъ къ востоку, всѣ начинаютъ совершать моленіе. Потомъ угощаются пивомъ и хлѣбомъ; говорятся благопожеланія молодымъ и поѣзжанамъ, послѣ чего поѣзжане отправляются въ деревню новобрачнаго, а родственники молодушки расходятся по своимъ домамъ.

Пріѣхавъ во дворъ новобрачнаго, молодушка можетъ слѣзть съ телѣги только послѣ предварительной обрядности. Подъ ноги ей стелется холстъ, свекровь бросаетъ сюда деньги. Молодушка встаетъ на холстъ; подходитъ золовка, которая снимаетъ лапоть съ одной ноги новобрачной, не развязывая веревки. Этотъ обрядъ совершается трижды, называется онъ „ҫăпата тăпăлтарни“.

Это дѣлается съ цѣлью испытанія новобрачной въ томъ, насколько она терпѣлива и смирна.

Далѣе невѣста надѣваетъ новыя онучи, лапти, новую рубашку; жена посаженнаго отца надѣваетъ на голову новобрачной „масмак“ и „сурпан“, послѣ чего послѣдняя уже считается женщиной, а не дѣвушкой.

На другой день утромъ происходитъ послѣдній свадебный обрядъ, называемый „шу-ҫăл пуҫлани“. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ. Молодушка должна варить похлебку („йашка“). За водой для стряпни она идетъ въ сопровожденіи дѣвушекъ; приходятъ сюда и любопытные парни. Почерпнетъ молодушка ведро воды, одна изъ дѣвушекъ подходитъ и выливаетъ воду либо на землю, либо на глазѣющихъ тутъ парней. Послѣ этого начинается взаимное обливаніе водой. Позабавившись этой игрой вдоволь, дѣвушки и парни съ пѣснями и пляской направляются обратно въ избу. Описаннымъ обрядомъ имѣется въ виду показать молодушкѣ, что она отнынѣ мыслится чле-

номъ новой для нея семьи, обязанная работать на эту семью и что хожденіе ея за работой есть ея первая работа по вступленіи въ домъ своего мужа.

3. Моленіе духу—покровителю супружеской жизни. (Тойă торрине ђуклени).

По вѣрованію чувашъ, семейная жизнь находится подъ покровительствомъ особаго духа. Счастье супруговъ зависитъ отъ расположенія къ нимъ этого духа. Поэтому каждая молодая чета обязана принимать мѣры къ умилостивленію его.

Первое моленіе духу совершается въ день свадьбы до прибытія гостей; слѣдующее черезъ каждый или черезъ каждые два года, смотря по тому, каковы традиціи въ данномъ родѣ.

Моленіе совершается каждой семьей отдѣльно. Для этой цѣли избирается особое лицо изъ другой семьи; это лицо носитъ названіе „тойă хăта“. „Тойă хăта“ является совершителемъ моленій для всѣхъ семей, принадлежащихъ къ извѣстному роду. Для моленія духу покровителю супружеской жизни варится пиво. Въ назначенный день является „тойă хăта“ съ женой, если женатый. Онъ приноситъ съ собой квасныя лепешки (такмак ç̆ухў) и сырецъ (ђăхăт). Цѣдитъ пиво для моленія самъ „тойă хăта“. Предъ тѣмъ, какъ початъ бочку, онъ кладетъ на нее 2 или 3 копѣйки денегъ.

Во время моленія каждый держитъ въ рукахъ ковшъ пива или кусочекъ лепешки. Самая молитва, произносимая при этомъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ краткихъ выраженій:

„Тойă торри, çырлах, порăнăç ĕнсе пымалла ту“—Духъ покровитель супружеской жизни, помилуй, сдѣлай, чтобы жизнь „спорилась“ (была хорошей). Слова „Тойă торри, çырлах“ произносятся нѣсколько разъ.

Затѣмъ каждый участникъ моленія отливаетъ пиво изъ ковша въ ведро съ пивомъ, стоящее на столѣ, со словами: „перехетлĕ полтăр“ (пусть будетъ спорымъ); такъ дѣлаютъ

для того, чтобы счастье хозяина не перешло къ другому и чтобы у него пиво всегда было въ изобиліи.

Пока участники моленія не выпьютъ три ведра пива, право угощать принадлежитъ „тойă хăта“. Ему же вмѣняется въ обязанность трижды пропѣть свадебную пѣснь.

Послѣ всего этого хозяева снова вступаютъ въ свои права и угощаютъ всѣхъ на славу.

4. Моленіе домовому. (Хĕрт-сорт пăтти).

По представленію чувашъ, хĕрт-сорт добрый духъ. Только надо умѣть ладить съ нимъ. Если совершать моленіе съ кашей или лепешками (йусман), хĕрт-сорт будетъ хорошъ къ хозяевамъ, иначе будетъ пугать ихъ: по ночамъ будетъ слышно жужжаніе веретена; будутъ раздаваться шаги въ комнатѣ. Въ такихъ случаяхъ хозяева говорятъ: „домовой началъ прясть, нужно совершить моленіе съ кашей“ (хĕрт-сорт кăнҫала арлама пуҫларĕ, хĕрт-сорт пăтти ҫуклес полаť). Для моленія приготовляется каша и тоненькія лепешки изъ ячменной муки со сметаной (йусман).

Послѣ молитвы—импровизаціи часть каши и лепешекъ бросается за печку, гдѣ, по вѣрованію чувашъ, обитаетъ хĕрт-сорт. Все остальное съѣдается участниками моленія.

5. Заговоры противъ сглаза.

а) Противъ сглаза ребенка. (Аҫа ийе ҫĕлхи).

Ийе—банный духъ вредитъ главнымъ образомъ малымъ ребятишкамъ, насылая на нихъ разныя дѣтскія болѣзни, коросты, вереды, чирья. Чтобы избавиться отъ всѣхъ этихъ золъ, чуваши приглашаютъ йумăҫ (ворожею), которая заговариваетъ ребенка отъ баннаго духа въ такихъ словахъ:

Кĕмĕл тинĕс, кĕмĕл тинĕсре котăн йоман; котăн йоманăн котăн торат; котăн торатăн котăн шуҫҫă; хăнҫа ийе ҫыпăҫăнаť, ҫавăн ҫохне ҫак аҫана ийе ҫыпăҫăнтăр.

Ылтăм тинĕс, ылтăм тинĕсре котăн йоман; котăн йоманăн котăн торат; котăн торатăн котăн шулђă; котăн шулђă хăнђа нйе çыпăçанат, çавăн ђохне çак ађапа тин нйе çыпăçантăр.

Пăкăр тинĕс, пăкăр тинĕсре котăн йоман; котăн йомаиăн котăн торат; котăн торатăн котăн шулђă; котăн шулђă хăнђа нйе çыпăçанат, çавăн ђохне ађапа тин нйе çыпăçантăр.

Серебряное море, въ серебряномъ морѣ дубъ съ корнями вверхъ; у дуба сучья (растущіе) обратно; у сучьевъ листья (растущіе) обратно. Когда къ этому обратно растущему листку пристанетъ банный духъ, пусть тогда къ этому ребенку пристанетъ банный духъ.

Золотое море, въ золотомъ морѣ дубъ съ корнями вверхъ; у дуба сучья (растущіе) обратно; у сучья листья (растущіе) обратно. Когда къ этому обратно растущему листку пристанетъ банный духъ, пусть тогда къ этому ребенку пристанетъ банный духъ.

Мѣдное море, въ мѣдномъ морѣ дубъ съ корнями вверхъ, у дуба сучья (растущіе) обратно; у сучьевъ листья (растущіе) обратно. Когда къ этому обратно растущему листку пристанетъ банный духъ, пусть тогда къ этому ребенку пристанетъ банный духъ.

б) Противъ сглаза дѣтей.

Если въ семьѣ захвораетъ ребенокъ или на дворѣ начинаетъ болѣть скотина, чуваши говорятъ: „куç ўксе осалланнй“ —испортились отъ сглаза. Чтобы предотвратить сглазъ, чуваши произносятъ особый заговоръ, называемый „куç ђĕлхи“.

„Хора çĕлен куçĕ çине хăнђа сылăм ўкĕ, сана çан ђохне куç ўктĕр; хора калта çине хăнђа тăп-таса сылăм ўкет, çан ђохне куç ўктĕр; хора çăхан куçĕ çине хăнђа тăп-таса сылăм ўкет, çавăн ђох сана куç ўктĕр“.

Когда на глаза черной змѣи упадетъ роса, пусть тогда тебя сглазятъ; когда на глаза черной ящерицы упадетъ роса, тогда пусть сглазятъ тебя; когда на глаза чернаго ворона упадетъ роса, пусть тогда сглазятъ тебя.

Кромѣ этого заговора противъ сглаза, (общаго для людей и скота), существуетъ еще 6 способовъ избавить дѣтей отъ сглаза. 1) На шею ребенка надѣваютъ красныя или желтыя бусы; 2) рубашку надѣваютъ краснаго или какого-либо другого яркаго цвѣта. Это дѣлается въ томъ убѣжденіи, что глазъ посторонняго человѣка въ первую очередь упадетъ на предметъ яркаго цвѣта, ослабится и обезвредится. 3) Въ „пĕҫĕк хуран“ (малый котелъ) наливается вода, кладутся рябиновые прутья и трава, извѣстная чувашамъ подъ названіемъ „аҫа усалли курăкĕ“; все это кипятится нѣкоторое время, потомъ охлаждается; далѣе въ этой водѣ купаютъ ребенка и такимъ образомъ обезвреживаютъ силу сглаза. 4) На ребенка брызгаютъ водой сквозь вѣникъ. 5) Окуриваютъ ребенка льняными зернами. 6) „Тăвар сиктересҫĕ“: бросаютъ въ огонь соль; во время потрескиванія соли ребенка держатъ предъ огнемъ; есть повѣріе, что трескъ соли изгоняетъ изъ ребенка все нечистое.

6. *Моленіе о благополучіи отелившейся коровы.* (Епери ҫӳклени).

Моленіе это совершается черезъ 3—4 дня послѣ того, какъ отелится корова и состоитъ въ слѣдующемъ.

Изъ молока отелившейся коровы приготовляютъ „ĕпери“—(кипяченое свернувшееся молоко). Пекутъ ячменную лепешку. Приготовившись такимъ образомъ, начинаютъ моленіе. Глава семьи произноситъ особую молитву, послѣ которой принимаетъ 3 ложки „ĕпери“, пьетъ немного воды; нѣсколько капель последней льетъ изъ ковша назадъ черезъ голову со словами: „ĕни сĕтлĕ полтăр“—корова пусть будетъ молочная. Послѣ этого всѣ члены семьи садятся ѣсть „ĕпери“. Къ участію въ ѣдѣ приглашаются и сосѣди.

7. *Киреметь.*

Когда-то страшная, грозная, теперь киреметь въ почтеніи лишь у очень пожилыхъ чувашъ. Среди молодыхъ людей

о киремети ходятъ легенды, совсѣмъ не выгодныя для нея. Говорятъ, что киреметь состарилась, выдала свою дочь за простуду, ей же передала право и силу посылать людямъ болѣзни.

Нынѣ по-часту обманываютъ киреметь, принося ей, вмѣсто дѣйствительныхъ лошадей, коровъ, овецъ, гусей, утокъ, лишь лѣпныя изображенія ихъ. Называются эти приношенія „орхамах'ами". Чаще приготовляютъ ихъ изъ тѣста; иногда вырѣзываютъ изъ дерева. Лѣтъ 10—15 тому назадъ, спеціалисты по изготовленію „орхамах'овъ", открыто торговали ими на базарахъ; теперь торгуютъ тайно, боясь доносовъ духовенству.

У чувашъ Орининскаго прихода въ свое время почитались киремети: „Тимĕрĕх", „Сартоп", „Йонкă вори", „Шăрт", „Маҫăм хоҫа".

„Тимĕрĕх" обиталъ на небольшомъ бугрѣ около деревни Синьялъ-Оринино. Его умилостивляли деньгами. На мѣстѣ обитанія его и теперь можно находить монеты временъ Петра Великаго и Екатерины второй.

„Сартоп" обиталъ въ лѣсу, называемомъ „кашлăх", на берегу рѣки „Сĕнтĕр". На этомъ мѣстѣ теперь стоитъ чувашскій Александро-Невскій монастырь. Въ древности здѣсь, по преданію чувашъ, былъ городъ; онъ былъ сожженъ какими-то врагами, жители его были перебиты. Самое мѣсто покрылось лѣсомъ. Справедливость этого преданія подтверждается раскопками. Археологи нашли на мѣстѣ „Сартона" слѣды городища. Въ обрывахъ „Сартона" находили тесаки и пики.

Въ жертву „Сартон'-у" приносили пѣтуха и курицу. Ихъ относили въ лѣсъ „кашлăх" и оставляли тамъ. Жертвоприношеніе обыкновенно совершаются тѣми, у кого начали падать домашнія птицы. „Сартон тытрĕ полмалла, ҫĕпĕсем вилеҫҫĕ"—должно быть, „поймалъ" Сартон, умираютъ цыплята, говорятъ въ такихъ случаяхъ чуваши.

„Йонкӑ вори“ находится около села Большого Сундыря. Эту киреметь почитают и черемисы. На мѣстѣ „йонкӑ вори“ теперь выстроена часовня. Тѣмъ не менѣе языческія жертвоприношенія на этомъ мѣстѣ продолжаются по-прежнему. Въ базарный день здѣсь можно видѣть старыхъ чувашъ, отправляющихъ языческое моленіе. Какая-нибудь старушка сначала что-то поговоритъ шёпотомъ, потомъ достаетъ изъ-за пазухи шкаликъ водки, льетъ немножко на землю со словами: „йонкӑ вори çырлах“—„йонкӑ вори“ помилуй; эти слова произноситъ трижды; остальную водку допиваетъ сама. Затѣмъ старушка достаетъ изъ-за пазухи кусочекъ бѣлаго хлѣба, частичку отдаетъ киремети, а остальное съѣдаетъ сама. Этимъ заканчивается и самое моленіе.

„Шӑрт“ считался самымъ злымъ и опаснымъ существомъ. Очень долго надо было умилостивлять эту киреметь, чтобы обратить гнѣвъ ея на милость. Характеризуя злого человѣка, чуваши говорятъ: „шӑрт пак вӑл çын“—этотъ человѣкъ какъ „шӑрт“.

Нынѣ всѣ эти киремети, какъ было сказано выше, въ почтеніи лишь у старыхъ чувашъ. Въ каждой деревнѣ есть непремѣнно три-четыре человѣка, которые ни за что не хотятъ разстаться со своими языческими вѣрованіями.

8. *Христіанскія святыни, чтимыя чувашами.*

У чувашъ и черемисъ Козмодемьянскаго уѣзда болѣе всего почитаемой святыней является образъ св. Николая Чудотворца, находящійся въ селѣ Ишакахъ. Считается долгомъ сходить на поклоненіе этому образу дважды въ годъ, въ зимнюю и лѣтнюю николы. Не почитать Николы-бога съ точки зрѣнія чувашина очень опасно. Никола-богъ существо грозное, карающее за всякое упущеніе по жертвоприношенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и милостивое, помогающее людямъ въ несчастныхъ случаяхъ. Милость Николы-бога простирается исключительно на тѣхъ чувашъ, которые аккуратно являются

на поклоненіе ему, принося съ собой свѣчку, кусокъ бѣлаго хлѣба и деньги. Свѣчка ставится предъ образомъ святителя, деньги и кусокъ хлѣба бросаются въ родникъ, надъ которымъ построена часовня во имя св. Николая. Теперь такой способъ жертвоприношенія строго соблюдается лишь стариками. Прочіе чуваши хлѣбъ и деньги отдаютъ нищимъ, которые во дни паломничества чувашъ являются сюда сотнями; въ числѣ нищихъ бываютъ и люди состоятельные.

Если чувашинъ не является на поклоненіе Николѣ-богу, то послѣдній пошлетъ ему бѣдствія: заболѣетъ кто-нибудь изъ членовъ семьи, или же начнется падежъ скота.

Несчастіе можно устранить путемъ жертвоприношеній Николѣ-богу. Если этого нельзя сдѣлать немедленно, то нужно, по крайней мѣрѣ, дать обѣщаніе—непремѣнно явиться на поклоненіе и при этомъ отложить нужную сумму денегъ въ особую щель амбара.

Если кому-либо хочется уклониться отъ паломничества къ Николѣ-богу, то онъ поступаетъ такимъ образомъ: беретъ нужную для жертвоприношенія сумму денегъ и вещей и подбрасываетъ ее къ кому-либо изъ сосѣдей. Никола-богъ освобождаетъ перваго отъ паломничества, зато послѣдній непремѣнно долженъ явиться въ с. Ишаки.

Помянутое подбрасываніе у чувашъ извѣстно подъ именемъ „ҫăк пăрахни“. Чуваши очень боятся этого „ҫăк'а“. „Разъ“, разсказывалъ мнѣ Орининскій учитель Григорій Никифоровъ, „когда мнѣ было около семи лѣтъ, играя въ только что выстроенномъ амбарѣ, я нашелъ изуродованную трехкопѣечную монету. Я съ радостью побѣжалъ къ отцу показать находку. Къ моему удивленію, отецъ страшно испугался Онъ бросилъ работу и началъ совѣтоваться съ моей матерью относительно монеты. Мои родители приняли монету за „ҫăк“. Отецъ взялъ монету, завернулъ ее въ желѣзный листъ и положилъ въ щель. Въ желѣзный листъ моя находка была завернута для того, чтобы она не могла убѣжать и

скрыться; въ послѣднемъ случаѣ будетъ невозможно избѣгнуть ожидающихъ чувашина бѣдствій".

Принимаются мѣры не только къ исполненію невольнаго обѣщанія, но и къ отысканію лица, причинившаго это зло. Для этого существуетъ два способа. Первый состоитъ въ посѣщеніи „йумăç" (ворожеи) и заданіи ей вопроса о виновникѣ подбрасыванія; второй—въ замазываніи подброшенныхъ предметовъ въ щели у стѣнки печки. Замазанные предметы будутъ постепенно сохнуть отъ жары. Одновременно начинаетъ, по убѣжденію чувашина, сохнуть и тотъ, кто подбросилъ „çăк", „хĕп корма тапратат"—начинаетъ терпѣть („видѣть") бѣдствія, выражаются чуваши въ данномъ случаѣ. Когда вещь совершенно сгоритъ, наступитъ и смерть виновнаго человѣка.

Кромѣ св. Николая Чудотворца, Орининскіе чуваши чтутъ святого великомученика Георгія, котораго называютъ „кок утлă торă"—богъ въ видѣ голубой лошади. Почитаніе этого святого одинаково съ почитаніемъ св. Николая.

Моленіе св. Георгію совершается предъ иконой его, находящейся въ часовнѣ на мѣстѣ стараго храма.

Въ день св. Георгія совершается выгонъ скота; этотъ день извѣстенъ у чувашъ подъ названіемъ „йур-йур"(?).

Илья пророкъ считается покровителемъ земледѣлія. Онъ посылаетъ дождь, такъ необходимый для урожая хлѣбовъ; поэтому ему воздается поклоненіе съ тѣми же обрядами, съ какими совершается моленіе св. Николаю Чудотворцу и св. Георгію.

Храмовые святые чтутся чувашами какъ покровители мѣстныхъ обывателей. Происхожденіе этого явленія относится къ тѣмъ временамъ, когда среди чувашъ впервые стали строиться храмы. Послѣдніе по преимуществу ставились на мѣстахъ, которые чувашами считались за кереметныя, а потому чтились какъ священныя. Предъ „новымъ богомъ" начинались тѣ же самыя моленія, которыя совершались предъ старыми; на „новыхъ боговъ" переносились свойства „старыхъ боговъ"; гнѣву ихъ приписывались болѣзни людей и

скота, недороды хлѣбовъ и прочія бѣдствія; для умилостивленія ихъ совершались жертвоприношенія свѣчками, деньгами, хлѣбомъ, а иногда и животными.

У современныхъ чувашъ все это наблюдается въ незначительной степени, да и то какъ „преданіе старины“, которое неудобно нарушать.

9. Особенности говора Козмодемьянскихъ чувашъ и нѣкоторыя произведенія ихъ творчества.

Козмодемьянскіе чуваши говорятъ на *о*, какъ всѣ верховые чуваши: Ядринскіе, Курмышскіе и Чебоксарскіе. Торӑ —Богъ, вмѣсто Турӑ (у низовыхъ чувашъ), хоҫа—баринъ, вм. хуҫа, портӑ—топоръ, вм. пуртӑ.

Но, сходясь съ верховыми чувашами въ употребленіи звука *о*, Козмодемьянскіе чуваши имѣютъ и свои діалектологическія особенности.

У мало-карачкинскихъ, оринкинскихъ, моргоушскихъ чувашъ встрѣчаются звуки, совершенно несвойственные чувашскому языку.

ӓ=каз.-тат. *ӓ* въ *ӓтей* (отецъ), горно-черем. *ӓ* въ *ӓкӓ* (старшая сестра).

е=франц. *é* (fermé), горн.-черем. *э* въ *шэшкӹ* (споха).

ӧ=турец. *ӧ* въ *ӧл* (умри), *гӧнӱл* (сердце), горн.-черем. *ӧ* въ *пӧрт* (изба).

ҕ=татар. *г* въ *сагыш* (дума), араб. ﻍ, но звучитъ не столь напряженно.

ҕ=невполнѣ смягченное ҕ.

ҕ=полное смягченіе звука ҕ.

л=невполнѣ смягченный звукъ, тат. *л* въ *тел* (языкъ), горн.-черем. *л* въ *кэлэсӹ* (скажи).

н=невполнѣ смягченное *н*, тат. *н* въ *бӓрӓн* (ягненокъ), горн.-черем. *н* въ *вэрӹн* (ради).

н=неполнѣ смягченное *н*, тат. *н* въ *тин* (равный).
[*ц*=русск. *ц* въ *цыганъ*],
ц=нѣм. *z* въ *zink*, горн.-черем. *ц* въ *цэр* (болѣзнь)
ч=русск. *ч* въ *очагъ*, горн.-черем. *ч*.
ч=неполное смягченіе *ч*.
џ=*д*+*ж*, турец. џ въ *џевиз* (جوز)—орѣхъ.
џ=неполное смягченіе џ.
ҷ=грубое *ч*; при произношеніи этого звука конецъ языка загибается назадъ дальше, чѣмъ при выговорѣ русскаго *ч*. Звукъ ҷ существуетъ въ нѣкоторыхъ областныхъ говорахъ русскаго языка, а также въ вотскомъ (въ *ҷана*—галка).
џ=звонкій согласный звукъ, соотвѣтствующій глухому ҷ; при произношеніи его языкъ загибается дальше назадъ, чѣмъ при выговорѣ џ. Въ вотскомъ языкѣ подобный звукъ встрѣчается въ словѣ *джыт* (вечеръ).
з=звукъ, близкій къ вполнѣ смягченному *з*, нѣчто среднее между *ź* и—*з*.
β=билабіальное *в*, произносимое при участіи обѣихъ губъ [1]).

Отличительныя особенности Козмодемьянскаго говора весьма обстоятельно и подробно выяснены въ трудѣ Н. И. Ашмарина: „Матеріалы для изслѣдованія чувашскаго языка“ (Казань. 1898, стр. 344—392). Правда, данныя автора относятся къ 1897 году, но это нисколько не препятствуетъ имъ имѣть современный интересъ; по нашимъ наблюденіямъ всѣ фонетическія и морфологическія особенности говоровъ Козмодемьянскихъ чувашъ, подмѣченныя Н. И. Ашмаринымъ, остаются неизмѣнными и нынѣ. Къ сказанному Н. И. Ашмаринымъ мы хотѣли бы прибавить слѣдующее.

У низовыхъ чувашъ трудно встрѣтить слѣдованіе двухъ гласныхъ одного послѣ другого; у Козмодемьян-

---

[1]) Н. И. Ашмаринъ. Матеріалы для изслѣдованія чувашскаго языка. Казань. 1898, стр. 346.

скихъ чувашъ это наблюдается довольно часто: говорятъ: коак вм. кăвак—голубой, коар вм. кăвар—уголь, коакарђăп вм. кăвакарђăп—голубь, тоар вм. тăвар—соль, пěер вм. пěвер.

Нѣкоторыя слова произносятся съ такими измѣненіями, что несразу можно признать ихъ за чувашскія. Таковы, напр., сула вм. сывла—дышать, çур вм. çывăр—спать, уçă вм. ывăç—горсть, хуп вм. хăвăп—твой, сылăм вм. сывлăм—роса, вўс вм. ăвăс—воскъ, тара вм. тавăра—кругомъ, тар вм. тавăр—вернуть, ан вм. авăн—гнуться, шу вм. шыв—вода.

Въ *склоненіи* существительныхъ существуютъ слѣдующія особенности:

	У низовыхъ чувашъ.	У Козмод. чувашъ.
Им.	Çырма, лугъ, оврагъ.	Çырма.
Род.	Çырманăн	Çырмайăн
Д.—В.	Çырмана	Çырмайа
Тв.	Çырмапа	Çырмапа
М.	Çырмара	Çырмара
Исх.	Çырмаран	Çырмаран
	Множ. число.	Множ. число.
И.	Çырмасем	Çырмасам
Р.	Çырмасенĕн	Çырмасайăн
Д.—В.	Çырмасене	Çырмасана
Тв.	Çырмасемпе	Çырмасампа
М.	Çырмасенђе	Çырмасанђа
Исх.	Çырмасенђен	Çырмасанђан.

Епе лашайа сырмайа йартăм—я пустилъ лошадь на луга.

Личныя мѣстоименія въ родительномъ падежѣ единственнаго числа произносятся сокращенно: ман—мой, сан—твой, он—его, вмѣсто манăн, санăн, унăн. Сан лаша кађђа çиңђе çурет—твоя лошадь ходитъ по озими; ман поç ыратат

—у меня болитъ голова; он ађисем харсăр—его дѣти шаловливы; хуп калђайа хуп утах çисе—твою озимь стравила твоя же лошадь.

Изъ *глагольныхъ* формъ чрезвычайно рѣдко слышатся формы прошедшаго состоянія и прошедшаго дѣйствія; вмѣсто этихъ формъ употребляется дѣепричастіе прошедшаго времени. Скажутъ: пайан ан çапса, вмѣсто: пайан авăн çапрă-мăр—сегодня мы молотили; Иван школа кайса вм. Иван школа кайрĕ—Иванъ ушелъ въ школу; епĕр хора лашайа пĕлтĕр сотса вм. епир хура лашана пĕлтĕр сутнă—мы продали вороного коня въ прошломъ году.

Иван, ан çапсай сĕр?	Иванъ, вы молотили?
— Çапса.	— Молотили.
Минђе ан çапса?	Сколько овиновъ намолотили?
— Икĕ ан.	— Два овина.
Ха, хытă ĕçлесеç сĕр.	О, вотъ какъ бойко („крѣпко“) работаете вы.
Минђе пăт антан тохса?	Сколько пудовъ выходило изъ овина?
— Çирĕм пăта çух тохса.	— Выходило около 20 пудовъ.
——	——
Çимен, ес пасара кайсай пайан?	Семенъ, ты сегодня ѣздилъ на базаръ?
— Кайса.	— Ѣздилъ.
Мĕн исе?	Что купилъ?
Ан çапçи исе.	Купилъ цѣпъ.

Въ 3 лицѣ множественнаго числа изъявительнаго наклоненія употребительно окончаніе ђђĕ, вм. ççĕ. Лашасам корăк сеђђĕ—лошади ѣдятъ траву; перĕн ан çапађђĕ—у насъ молотятъ овинъ; школта ађасам кĕнеке соађђĕ—въ школѣ дѣти читаютъ книги; пайан порте вотă çолађђĕ—сегодня всѣ косятъ сѣно.

Въ 3 л. ед. ч. изъявительнаго наклоненія т произносится твердо: полат, а не пулаť—бываетъ, калат, а не калаť—говоритъ, çырат, а не çыраť—пишетъ. Ан çапат вм. авăн çапаť—

молотитъ овинъ, вотӑ касат вм. вутӑ касат̆—рубитъ дрова; вутӑ ҫолат вм. утӑ ҫулат̆—коситъ сѣно.

Лексическій матеріалъ у Козмодемьянскихъ чувашъ нѣсколько иной, чѣмъ у прочихъ чувашъ. Имѣются слова, похожія скорѣе на черемисскія, чѣмъ чувашскія; напр., сӗрете—поле. Такихъ словъ мы насчитали болѣе 100.

Есть слова чисто чувашскія, но со значеніемъ, совсѣмъ не похожимъ на ходячее, напр., соас (сӑвас) читать; ходячее же значеніе этого слова считать.

Такихъ словъ мы насчитали болѣе 50.

Произведенія народнаго творчества.

ЗАГАДКИ.

1) Пӗр пиҫкеп икӗ тӗслӗ сӑра—въ одной бочкѣ двухъ сортовъ пиво (яйцо).

2) Пӗҫӗк майра пиҫке ӑсти—маленькая женщина мастерица бочки дѣлать (курица).

3) Алӑсӑр урасӑр кӗпе тӑхӑнап—безъ ногъ и рукъ рубашку надѣваю (надѣваніе наволочки).

4) Вӗрен вӗҫӗнҫе утӑ самӑртап—на привязи откармливаю лошадь (веретено).

5) Тоаттан пӗр тоан—тоаттӑш та пӗр тан—всѣ четверо родственники—всѣ четверо равны (ножки стола).

6) Утсӑр, ҫунсӑр-йупӗ пур—безъ души и тѣла, но съ кровью (калина).

7) Хура йытти ҫакӑнса тӑрат, хӗрлӗ йытти вӗрсе тӑрат—чужая собака виситъ, а красная лаетъ (котелъ и огонь).

ПѢСНИ (СВАДЕБНЫЯ).

1) Елёк Хёетёр калаҫҫё:
Сарă та вăрăм хёрсене.
Сарай кашти тăвас теҫҫё;
Туи-ха туми-ха
Хуҫ аллинех килҫё-ха.

Раньше Θеодоръ говорилъ:
Изъ высокихъ, русыхъ дѣвушекъ
Хотѣлъ сдѣлать перекладъ для сарая;
Сдѣлаетъ онъ или нѣтъ,
Въ свои руки попала (дѣвушка).

2) Елёк Хёетёр калаҫҫё:
Хора та вăрăм хёрсене,
Хора пўрт кашти тăвас теҫҫё;
Туи-ха туми ха,
Хуҫ аллинех килҫё-ха.

Раньше Θедоръ говорилъ:
Изъ высокихъ, черныхъ дѣвушекъ
Хотѣлъ сдѣлать перекладъ для курной избы;
Сдѣлаетъ или не сдѣлаетъ,
Въ свои руки попала.

3) Шип-шоп шăпҫăкё.
Торат ҫинҫен торат ҫине,
Епёр хамăр та ҫан пекех,
Олахсенҫен олаха.

Шип-шоп соловей
Съ вѣтки на вѣтку,
Мы сами тоже
Съ посидѣнки на посидѣнку.

---

4) Икĕ пус, виç пус.
Çĕрте топсан та илес çок,
Çакă та йалăн хĕрсене
Ахалъ парсан та илес çок.

Двѣ копѣйки, три копѣйки,
Если и найдемъ, не возьмемъ;
Если и даромъ отдадутъ
Дѣвушекъ этой деревни,
И то не возьмемъ.

---

5) Хĕетĕр калат: арăм каççăр полат, тет,
Какой каççăр вăл каççăр
Оптан каççăр каҫака пор.

Ѳеодоръ говоритъ, жена стройная,
Какая она стройная,
Стройнѣе ея есть коза.

---

6) Хĕетĕр калат: арăм пĕккĕру полат тет.
Какой пĕккĕру, вăл пĕккĕру,
Онтан пĕккĕру сысна пор.

Ѳедоръ говоритъ: жена сутуловатая.
Какая она сутуловатая,
Есть сутуловатая болѣе ея свинья.

ПОСЛОВИЦЫ.

1) Йӗпрен пӗрне тӑваҫҫӗ—изъ мухи слона дѣлаютъ („изъ иголки дѣлаютъ бревно").

2) Торӑ памасан сысна ҫимест—Богъ не дастъ—свинья не съѣстъ.

3) Хӗрхенекенӗнне хӗрлӗ йытӑ ҫипӗ тет—кто жалѣетъ, у того красная собака сѣла, говорятъ.

4) Хор-кайӑк хыҫҫӑн кӗпшӗл тапранӑ—за дикими гусями „кӗпшӗл" (птица) собралась.

5) Ҫын ҫинҫи ӳҫ ҫинҫи—что у людей, то на деревѣ.

6) Тимӗрҫӗн пуртти катӑк—у кузнеца и топоръ зазубренный.

7) Хоҫами тӑпри ҫине кинӗ пусат, теҫҫӗ—какова теща, такова и сноха.

8) Утӗ ҫӗтсен, йӗппе те хыҫҫӑн ут—если лошадь пропала, то кинь и узду за нею.

10. Отношеніе чувашъ къ татарамъ-мухаммеданамъ. (Разсказъ крестьянина Григорія Никифорова).

„Чуваши Акрамовской волости всѣ крещеные; некрещенныхъ и магометанъ не только вблизи ихъ, но и во всемъ уѣздѣ нѣтъ. Мѣстные чуваши о существованіи некрещенныхъ сородичей даже не имѣютъ понятія; когда говоришь имъ, что есть еще чуваши язычники, они не вѣрятъ. Такое сомнѣніе въ существованіи некрещенныхъ чувашъ очень понятно: переходъ чувашъ этого района изъ язычества въ христіанство относится ко временамъ прадѣдовъ. О бытѣ татаръ они также не имѣютъ никакого понятія. Татаръ видятъ они только на базарахъ, которые изобилуютъ татарами-торговцами. О татарахъ сложилось у нихъ понятіе, какъ о людяхъ съ звѣриной натурой. Попасть въ татарскую деревню, по ихъ представленіямъ, значитъ, идти на вѣрную гибель. Татары служатъ пугаломъ для ребятъ. Ан харсӑрлан, харсӑлансан тотара парса

йарăп—не шали, будешь шалить, отдамъ татарину, говоритъ мать шаловливому ребенку.

Татаръ чуваши неохотно пускаютъ на квартиру. Я помню одинъ случай съ татарами изъ своей дѣтской жизни. Нѣкоторые торговцы заѣзжали и теперь заѣзжаютъ на квартиру къ одному чувашину. Но какъ-то разъ, когда мнѣ было около 7—8 лѣтъ, одинъ татаринъ заѣхалъ къ намъ. Я тутъ же съ плачемъ началъ просить отца, чтобы татарина не пускали. Мнѣ почему-то казалось, что татаринъ обязательно ночью насъ зарѣжетъ. Родители, несмотря на мои слезы, пустили его; онъ провелъ у насъ ночь. Я всю ночь не могъ заснуть. Теперь мнѣ понятно, почему все это произошло: мое воображеніе работало подъ вліяніемъ того дурного, о которомъ я слышалъ отъ взрослыхъ. Почему же у чувашъ этого района сложилось дурное представленіе о татарахъ? Вѣдь они почти ничего не знаютъ о татарахъ. Мнѣ кажется, что въ этой мѣстности когда-то жили татары, отъ которыхъ, по всей вѣроятности, не мало приходилось терпѣть нашимъ предкамъ. Названія многихъ деревень доказываютъ, что дѣйствительно здѣсь жили татары. Такъ, напримѣръ, самое село Оринино, по-чувашски, называется „Тутараҫ"; другая деревня называется „Тутар-касы"; еще есть деревня, которая называется „Мăрсак"; „Мăрсак" есть искаженное слово „мурза". Все это даетъ поводъ думать, что здѣсь, вмѣстѣ съ чувашами, жили когда-то татары".

11. Школа и ея просвѣтительное вліяніе на чувашъ. (Разсказъ учителя Н. Г.).

„До 1901 года во всемъ Орининскомъ приходѣ была только одна школа, которая была открыта въ 1860 годахъ. По даннымъ, имѣющимся въ школьномъ архивѣ, видно, что она до 1891 года всегда пустовала. Количество учениковъ не превышало 5—6 человѣкъ; окончившихъ въ этой школѣ за 30 лѣтъ ея существованія было около 15 человѣкъ. За

этотъ періодъ ученики въ школѣ научились только кое-какъ читать и заучивали чисто механически первоначальныя молитвы на славянскомъ языкѣ, безъ пониманія содержанія заученнаго. По выходѣ изъ школы ученики скоро позабывали заученное. Я знаю лично нѣсколько человѣкъ, окончившихъ курсъ въ школѣ за этотъ періодъ; они не умѣютъ теперь читать даже по складамъ. Такое печальное явленіе объясняется тѣмъ, что учителя были безъ спеціальнаго образованія, недоучки изъ среды духовенства. Эти учителя, по разсказамъ бывшихъ учениковъ, сами не занимались, а нанимали грамотнаго мужика или поручали одному изъ старшихъ учениковъ. Эти „педагоги" учили дѣтей иначе, чѣмъ современные учителя: за каждое незнаніе уроковъ къ ученикамъ примѣнялись розги. Эти грубыя мѣры развивали въ ученикахъ ненависть къ школѣ, къ ученію; они убѣгали и школа пустовала".

„Такъ было до 1891 года. Съ 1891 года назначенъ былъ учителемъ Александръ Ивановъ изъ чувашъ, со спеціальнымъ образованіемъ; онъ окончилъ курсъ въ Симбирской Чувашской Учительской Школѣ. Въ первые годы его учительства учениковъ было мало. Помню я, какъ онъ ходилъ по домамъ и собиралъ учениковъ. Но съ каждымъ годомъ количество учениковъ у него становилось все больше и больше. При моемъ поступленіи въ школу учащихся здѣсь было уже около 60 человѣкъ. Занятія свои учитель велъ по системѣ Н. Ив. Ильминскаго. Въ каждое воскресеніе пѣлъ въ церкви съ ученическимъ хоромъ. Не могу безъ благодарности вспомнить объ этомъ моемъ учителѣ. Онъ первый развилъ въ дѣтяхъ любовь къ школѣ, къ ученію; указалъ путь къ дальнѣйшему образованію; отвозилъ лучшихъ учениковъ въ Симбирскую Чувашскую Учительскую Школу. Впослѣдствіи оказалось недостаточно одной школы на весь приходъ. Земство открыло еще 5 училищъ, въ числѣ ихъ одно женское".

„Съ введеніемъ системы Н. Ив. Ильминскаго въ школьное преподаваніе, количество учениковъ постепенно стало

увеличиваться. Въ одно только Орининское училище за последніе 12 лѣтъ поступило около 300 человѣкъ, изъ которыхъ окончило курсъ приблизительно $^2/_3$; поступившихъ въ другія учебныя заведенія для дальнѣйшаго образованія считается 3%; всѣхъ грамотныхъ въ этой мѣстности около 20%. Чуваши стараются учить грамотѣ дѣтей не только мужскаго, но и женскаго пола, что раньше было явленіемъ рѣдкимъ. Чуваши поняли пользу ученія. „Вĕренмен çын-куççăр çын пекех—неграмотный человѣкъ подобенъ безглазому человѣку“, говорятъ они про неграмотнаго человѣка“.

Н. Никольскій.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Арх., Ист. и Этн. при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь М. Бенеманскій.

Отдѣльный оттискъ изъ XXVII-го т. «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи» за 1911 годъ.

Казань. Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета. 1911 г.